

За долю секунды в голове Хань Хэна пронеслось с десяток мыслей. Он мог бы заупрямиться и не выходить, но тогда старина Чжу наверняка ввалился бы внутрь и выставил его силой. Взвесив все за и против, Хань Хэн решил не нагнетать: поднялся, небрежно отряхнул полы одежды и спокойно шагнул наружу. Напоследок он, не оборачиваясь, махнул рукой тем, кто остался внутри:

— Сидите там.

Возле повозки один из людей в чёрном держал обнажённое лезвие у самого горла кучера. Завидев Хань Хэна, он молча отступил в сторону.

Старина Чжу снял свою бамбуковую шляпу и без лишних слов нахлобучил её прямо на голову Хань Хэна. Подойдя ближе, он принялся неторопливо, почти заботливо завязывать тесёмки под его подбородком, не прерывая своего занятия ни на миг.

— Я приготовил для вас другую карету, господин, — негромко произнёс Чжу. Пальцы его двигались размеренно, без суеты. — Просторная, роскошная, в ней есть всё необходимое. Пересаживайтесь, и мы сразу же отправимся в путь.

Он смотрел с опасным блеском из-под глубоко посаженных в сетке морщин глаз. Он внушал трепет своим суровым видом, нездоровым восковым цветом кожи и резко очерченными, словно вырубленными топором скулами. Даже когда он кривил губы в подобии улыбки, она оставалась ледяной, будто намертво приросшая посмертная маска.

Хань Хэн окинул взглядом окруживших его головорезов и усмехнулся:

— Судя по всему, особого выбора вы мне не оставили?

Позади раздался шум — двое охранников из его сопровождения спрыгнули на землю и, мгновенно оценив обстановку, с лязгом обнажили мечи.

Чжу даже не повернул головы, он по-прежнему буравил взглядом лицо Хань Хэна.

— Хозяин приказал доставить вас в целости и сохранности, — ровным тоном произнёс старик. Он лишь на мгновение скосил глаза, окинув быстрым взглядом притаившихся за спиной Хань Хэна слуг и выстроившихся позади стражников.

Намёк был предельно ясен. Если начнётся заваруха, Чжу гарантирует неприкосновенность только самому Хань Хэну. Всех остальных его люди просто вырежут на месте.

Хань Хэн на секунду задумался. Затем демонстративно спрятал ладони в широкие рукава и шумно выдохнул:

— Ладно. Но у меня есть дело, ради которого я и затеял эту поездку. Сначала мне нужно заехать в Цюйчэн. Вопрос не терпит отлагательств. Как только разберусь с ним, я без лишних споров поеду с вами.

«Главное — усыпить их бдительность, а там я найду способ передать весточку Чжуан Линю», — лихорадочно соображал он, косясь на землю и лениво пиная мыском сапога мелкую гальку.

— Договорились. Прошу вас, господин, — Чжу сделал приглашающий жест в сторону новой кареты.

— Но эти люди поедут со мной, — твёрдо заявил Хань Хэн. Заметив, что старик колеблется, он холодно усмехнулся: — К вашему сведению, я сейчас ничего не помню. Прошрое осталось в прошлом. Но когда мы прибудем на место и ваш господин спросит, как со мной обращались в пути, я выложу всё как есть, до мельчайших подробностей.

Раз уж Чжу и его банда так трясутся над его безопасностью, значит, они действительно видят в нём того самого могущественного Государственного наставника с портрета. Хань Хэн, конечно, был самозванцем и никакого реального веса при дворе Великой Лян иметь не мог, но ведь Чжу-то об этом не догадывался!

Хань Хэн упрямо вздёрнул подбородок и застыл на месте, давая понять, что не сделает больше ни шагу.

— Хорошо, — нехотя уступил Чжу и махнул своим людям: — Забираем всех.

— Живее пересаживаемся! — скомандовал Хань Хэн. — Би Гэнь, не забудь вещи!

— Да, молодой господин! — пискнул слуга. Он торопливо спрятал сияющую жемчужину, крепко прижал к груди шкатулку с медным замком и боком-боком выбрался из старой повозки.

— Прошу вас, — Чжу указал на новую карету. — Едем в Цюйчэн.

Старик лишь неопределённо хмыкнул в ответ. Он лично проследил, чтобы Хань Хэн со слугами поднялись в экипаж, после чего велел отпустить их прежнего кучера.

Едва Хань Хэн скользнул внутрь кареты, как снаружи раздался оглушительный треск. Он высунулся в окно и обомлел: двое подручных Чжу без лишних церемоний столкнули их старую повозку прямо с крутого склона в ущелье.

У Хань Хэна нервно дёрнулось веко. Он поспешно втянул голову обратно.

Внутри нового экипажа действительно было на удивление тепло, просторно и светло. Внезапно

дверь распахнулась. Хань Хэн напрягся, настороженно следя за вошедшим Чжу, но тот даже не взглянул на него. Старик сухо велел Би Гэню и Сун Саню налить хозяину горячего чая, а сам достал из сундука мягкие сухие полотенца и приказал слугам как следует обтереть Хань Хэна после сырого уличного воздуха.

Обновлённая карета катилась на удивление мягко. Несмотря на глубокую ночь, у Хань Хэна сна не было ни в одном глазу. Откинувшись на мягкую спинку сиденья, он сосредоточенно размышлял. Когда их окружили, из кареты выскочили только двое охранников. А где же Цзячу? Скорее всего, этот парень успел незаметно скрыться в лесной чаще. Раз его не схватили, значит, у Чжуан Линя скоро будет след.

Эта мысль принесла долгожданное облегчение. Чтобы хоть как-то убить время и унять мандраж, Хань Хэн подозвал притихших слуг и предложил перекинуться в кости.

Время тянулось бесконечно. За плотными занавесками царила непроглядная тьма. Судя по ледяному, пронизывающему до костей сквозняку, пробивавшемуся сквозь щели, наступили самые глухие предрассветные часы.

У Хань Хэна уже слипались глаза, к тому же ему фатально не везло — он проигрывал партию за партией. Наконец, раздражённо сгребя кости в кучу, он зевнул:

— Всё, завязываем. Спать.

Кто-то из слуг — то ли Би Гэнь, то ли Сун Сань — заботливо подложил ему под голову мягкий валик, но Хань Хэн был слишком измотан, чтобы разбираться. На этот раз усталость взяла своё: он провалился в глубокий сон без сновидений.

— Молодой господин, проснитесь! Господин, очнитесь же, беда!

Хань Хэн лишь сонно заворчал в ответ, тщетно пытаясь разлепить веки, и вяло отмахнулся от трясущих его рук.

— Там трупы, молодой господин! Убили!

Этот истошный, полный паники вопль мгновенно выдул из головы остатки сна. Хань Хэн рывком сел.

Снаружи, прямо посреди раскисшей от грязи дороги, Чжу и несколько его подручных осматривали место происшествия. В колее лежали два бездыханных тела в чёрных одеждах. Их грудные клетки были насквозь пробиты чем-то острым.

Прищурившись, Хань Хэн разглядел торчащие из окровавленного сукна наконечники тяжёлых стрел.

Старина Чжу выпрямился и коротко бросил подчинённым:

— Закопайте здесь же.

Затем он резко обернулся. Заметив стоявшего у подножки Хань Хэна, Чжу на секунду сжал челюсти так, что на скулах заиграли желваки, и сухо скомандовал:

— Живо в карету.

Хань Хэн подметил эту перемену: предводитель похитителей больше не величал его уважительным «господин». Впрочем, выяснять отношения сейчас было глупо. Он молча залез обратно в салон и, прикрыв глаза, устало привалился к стенке кареты.

Би Гэнь на коленях подполз поближе и робко потеревил его за рукав:

— Молодой господин, что там происходит?

Хань Хэн тихо, едва слышно вздохнул.

Когда слуга уже отчаялся услышать ответ, Хань Хэн не спеша приоткрыл один глаз и загадочно произнёс:

— Ваша молодая госпожа за нами гонится.

— Госпожа?! — Би Гэнь озадаченно почесал затылок и переглянулся с Сун Санем. У обоих в глазах читалось крайнее недоумение: их хозяин отродясь не был женат, откуда вдруг взялась какая-то «госпожа»?

Тем временем карета ощутимо прибавила ход. Хань Хэна швыряло из стороны в сторону, так что он то и дело прикладывался затылком о деревянную обшивку стен.

Стрелок так и не обнаружил себя. Очевидно, люди Чжу не смогли даже приблизительно определить, откуда велась стрельба, а потому решили просто убраться отсюда как можно быстрее. Лук это был или тяжёлый арбалет — неважно, но при такой феноменальной точности и дистанции, не позволявшей лучшим имперским костоломам Великой Лян вычислить позицию врага, Хань Хэн не сомневался: это Чжуан Лин.

Но как он умудрился настичь их так быстро?

Под мерный стук колёс Хань Хэн снова провалился в сон — на этот раз крепкий и безмятежный. Проснулся он только к обеду. Еду для них троих принесли прямо в карету в

закрытом коробе.

Пока они молча жевали, снаружи донёлся странный глухой стук, от которого карета мелко вздрагивала.

Проглотив последний кусок сочного мяса, Хань Хэн потянулся к окну и попытался отодвинуть занавеску, но наткнулся на глухую преграду. Приподняв ткань, он выругался про себя: оконные проёмы были снаружи наглухо заколочены досками.

В этот момент дверь кареты распахнулась, и на пороге возник Чжу, жестом приказав Би Гэню убрать пустую посуду.

Обычно бойкий и дерзкий Би Гэнь под ледяным взглядом старика съёжился, словно побитый пёс. Горло у парня перехватило от страха, он не смел издать ни звука и поспешно схватил короб с обедками.

— И как это понимать? — Хань Хэн раздражённо постучал костяшками пальцев по свежеприбитой доске.

— Ночью на нас напали, — безэмоционально отозвался Чжу. — Я не имею права подвергать вашу жизнь опасности.

Хань Хэн язвительно усмехнулся:

— Скажи проще: боишься, что твой хозяин спустит с тебя шкуру, если со мной что-то случится.

Чжу пропустил колкость мимо ушей. Его обтянутая сухой кожей узловатая рука покрепче перехватила ручку короба для еды.

— Можешь не переживать, — вкрадчиво продолжил Хань Хэн. — У его стрел есть глаза, в меня он точно не попадёт. А вот твоим ребятам стоит оглядываться почаще. Ну, или набивайтесь все в мою карету — как-никак, я для него живой щит, глядишь, и уцелеете.

На тыльной стороне ладони Чжу вздулись узловатые вены, пальцы сжались до белизны в костяшках. Он смерил Хань Хэна тяжёлым, яростным взглядом. Его кадык дёрнулся, старик явно хотел сказать что-то резкое, но в последний момент сдержался и промолчал.

Эта немая сцена раздосадовала Хань Хэна, хотя внешне он остался абсолютно спокоен. Он понимал: излишнее любопытство только повредит делу. Начни он расспрашивать Чжу прямо сейчас, старый лис тут же закроется и не выдаст ни крупинцы правды.

Когда дверь захлопнулась и они остались одни, Хань Хэн нахмурился. Пальцы, до этого

расслабленно лежавшие на коленях, сжались в кулаки.

Он не верил ни единому слову этого Чжу. И всё же то, что старик не договорил в их прошлую встречу, не давало ему покоя. С какой стати они с такой уверенностью называют его Государственным наставником Великой Лян? Чжу — тёртый калач, осторожный и расчётливый. Прежде чем решиться на дерзкое похищение, он наверняка долгие месяцы собирал на него досье. Должны быть веские, неопровержимые доказательства, раз они пошли на такой безумный риск.

В голове Хань Хэна начали всплывать разрозненные детали, но сложить их в единую картину никак не получалось.

Он вспомнил странный, тоскливый взгляд тётушки Сюэ Юнь перед его отъездом. То, как она мялась, словно хотела сказать что-то очень важное, но так и не решилась.

Хань Хэн снова достал собранный ею узел и принялся перебирать вещи. Денег там было неприлично много. Он прекрасно помнил grossбухи Сада Сюэ: Сюэ Юнь отдала ему практически все свободные средства, которые смогла выгresti из кассы поместья. Неужели всё это действительно предназначалось лишь для того, чтобы утихомирить недовольных арендаторов в Цюйчэне?

И ещё один вопрос: если Хань Фэн не имел к нему никакого отношения и не был его родственником, почему Чжуан Лин не выставил этого проныру за ворота, а предпочёл запереть под арестом в своём поместье?

Да и то, как быстро настиг их Чжуан Лин... Вряд ли дело было в беглеце Цзячу. Чжуан Лин, скорее всего, с самого начала знал о его планах сбежать из Сада Сюэ.

Вдруг Хань Хэна осенила неожиданная мысль. А что, если Чжу и его банда вообще не имеют отношения к императорскому дому Великой Лян? Что, если они — враги Чжуан Линя, решившие использовать его в своей игре? В прошлый раз, когда его пытались похитить, заказчика так и не нашли. Чжуан Янь тогда явно был ни при чём, несмотря на все подозрения. Или у прежнего владельца этого тела были собственные смертельные враги? Даже если Чжуан Лин указывал пальцем на старшего брата, он вполне мог ошибаться.

Хань Хэн от досады стукнул себя кулаком по лбу. Какого чёрта при переносе в этот мир ему не выдали хотя бы паршивенькую память прежнего владельца тела? Настоящее издевательство! Он потратил весь остаток дня, пытаясь выудить из глубин разума хоть какую-то зацепку, но в голову лезла всякая чушь: он даже вспомнил, как в глубоком детстве по глупости прищемил ширинкой джинсов собственное хозяйство — до крови и дикого визга. А вот о жизни этого загадочного тела — ни единого проблеска.

После того как окна заколотили, определять время суток приходилось исключительно по количеству принесённой еды. Прошла ещё одна ночь. Утром подручные Чжу затащили в карету изящный резной ведро-клозет с крышкой.

У Хань Хэна нервно задёргался уголок рта, когда он приподнял крышку: на поверхности воды сиротливо покачивались сухие лепестки роз и ароматные деревянные щепки.

Понятно. Теперь его даже по нужде на улицу выпускать не собираются.

Когда дверь кареты в очередной раз распахнулась, все трое пленников сидели, съёжившись на сиденьях и скрестив руки на груди, пытаясь хоть немного подремать.

Вошедший Чжу выглядел мрачнее тучи. Он медленно обвёл взглядом карету и внезапно замер, наткнувшись на глаза Хань Хэна.

Тот сидел вполоборота, лениво развалившись на подушках, словно всё ещё спал, но он ледяным, пристальным взглядом уже давно и неотрывно следил за каждым движением старика.

— Сколько ещё тащиться до Цюйчэна? — небрежно спросил Хань Хэн.

— Мы не едем в Цюйчэн, — старик поджал губы, отчего они стали похожи на тонкий уродливый шрам.

— Как это не едем? — Хань Хэн мгновенно выпрямился. — Куда тогда мы направляемся?

— В столицу Великой Лян.

Хань Хэн глубоко вздохнул, до боли сжав пальцы. Весь его боевой задор мигом улетучился, плечи бессильно опустились.

В последние дни он практически не пил воды, стараясь как можно реже пользоваться этим горшком. И дело было не в излишней стыдливости — просто в запертой карете без вентиляции уже вовсю витал тошнотворный душок: дикая смесь удушливых цветочных благовоний и застарелой мочи. Охранники снаружи на его зов откликались через раз, так что приходилось терпеть до последнего, чтобы окончательно не задохнуться в этой душегубке.

— Я же ясно сказал: мне нужно в Цюйчэн! — Хань Хэн с наглым видом вскинул голову. — Ты издеваешься надо мной или жить надоело?

Лицо Чжу оставалось серым и безжизненным, за эти дни он как будто высох ещё сильнее, превратившись в настоящую мумию.

— Оглох, что ли?! — крикнул Хань Хэн и с силой пнул старика в бедро. Но стоило его подошве коснуться чужого тела, как он сам опешил от собственной наглости. Чжу ведь мастер боевых искусств, почему он даже не попытался уклониться?

Старик проигнорировал удар. Он холодно перевёл взгляд на испуганного Би Гэня:

— Вы двое. На выход. Пересядете в другую повозку.

Би Гэнь в панике глянул на молодого господина и вдруг с отчаянным воплем бросился на Чжу, мёртвой хваткой вцепившись ему в голову:

— Молодой господин, бегите! Сань, помогай!

—... — Хань Хэн от неожиданности потерял дар речи, но тут же вцепился в плечо слуги: — Назад! Какого чёрта ты творишь?!

Пальцы Чжу железными тисками сомкнулись на запястье Би Гэня. Мальчишка заорал от невыносимой боли. В следующую секунду перед глазами Хань Хэна мелькнула смазанная тень — слуга вылетел из его рук и с глухим стуком приземлился на землю за порогом кареты.

Чжу медленно повернул голову и смерил Сун Саня ледяным, обещающим скорую расправу взглядом.

Тот задрожал всем телом и, едва удерживаясь на ватных ногах, поспешно выкатился наружу сам.

— Тварь ублюдочная! — взревел Хань Хэн, осыпая Чжу градом ударов. Он прекрасно понимал, что старик не посмеет ответить силой, и тот действительно лишь безропотно сносил его пинки.

Глянув через плечо Чжу на улицу, Хань Хэн похолодел: двое громил грубо тащили Би Гэня под руки. Нос бедного мальчишки был неестественно свёрнут набок, а по круглому лицу и одежде обильно расплзались алые брызги крови.

— Я никуда с вами не поеду! Отпусти его! Живо поворачивай на Цюйчэн! — Хань Хэн изо всех сил заехал старику по рёбрам, но тому это было будто слону дробина. Чжу даже не покачнулся — напротив, он бесцеремонно ввалился внутрь салона и закрыл за собой дверь.

Хань Хэн буравил его бешеным взглядом. Выскочить наружу он не решался — там караулили ещё полдюжины вооружённых головорезов. Плетью обуха не перешибёшь, лезть на рожон в такой ситуации — чистой воды идиотизм. Силу девать некуда, а толку ноль, только по шее на ровном месте схватишь.

— В Цюйчэне не было никакого наводнения, — ледяным тоном произнёс Чжу. — Всё, что наговорила тебе эта женщина, Сюэ Юнь — чистой воды враньё. Она тебе не мать.

Хань Хэн опешил на мгновение, а затем лицо его залила краска ярости, а в глазах вспыхнул

опасный огонёк:

— Чушь собачья! Да ты бредишь, старик!

Чжу молча посмотрел на него, а затем ровным, вкрадчивым голосом спросил:

— Ты ведь ничего не помнишь из своего прошлого. Так с какой стати ты безоговорочно веришь словам едва знакомой женщины?

— Ты мне тоже не родственник!

— Именно. Мы оба для тебя — чужаки. Но почему тогда ты без оглядки доверяешь Чжуан Линю и ни во что не ставишь мои слова?

Хань Хэн открыл было рот, но возразить оказалось нечего. В голове на секунду воцарилась звенящая пустота. Наконец он сипло выдавил, чувствуя себя загнанным в угол:

— Да потому что я прекрасно вижу, кто относится ко мне по-человечески, а кто нет! Я, блядь, память потерял, а не зрение! Сюэ Юнь — моя мать, это я знаю точно. А Чжуан Лин... он заботился обо мне, пылинки сдувал, — Хань Хэн запнулся, чувствуя, как к горлу подкатывает неловкий ком. — Думаешь, я не чувствую искренности? Я тебе что, умственно отсталый, чтобы элементарных вещей не понимать? Отпусти меня к чёртовой матери! Даже если я когда-то и был вашим грёбаным Государственным наставником, сейчас от него ничего не осталось.

Он в упор посмотрел на Чжу:

— Ну привезёте вы меня к своему хозяину, и на кой хрен я ему сдался? Вы же цените его за пророчества и скрытые знания, так? Ну так вот тебе мой сказ: я пуст. Никаким даром предвидения я не обладаю и ничего полезного не скажу. Вы только время потеряете и всё дело запорите!

— Моё дело маленькое, — сухо отчеканил Чжу. — Мой долг — доставить вас во дворец любой ценой.

— Да как с тобой разговаривать-то?! — Хань Хэн от злости уже едва подбирал слова. — Тот парень, которого ты только что покалечил — мой личный слуга! Вели прислать к нему лекаря! Ты ему нос всмятку разбил, человеку вообще-то дышать лицом надо, ты в курсе?!

Чжу окинул его странным, озадаченным взглядом.

Поняв, что старик не намерен уступать, Хань Хэн, скрежеща зубами от бессильной ярости, рванул к выходу и одним пинком вышвырнул проклятый горшок наружу.

Дверь за его спиной тут же с грохотом захлопнулась. В полумраке кареты подвешенная к потолку ночная жемчужина роняла на обивку тусклый, безжизненный свет.

«Ну отлично, просто зашибись. Теперь даже выругаться некому», — Хань Хэн в унынии опустил на сиденье, упёрся локтями в колени и со стоном зарылся пальцами в волосы.

Шёл уже четвёртый день его пленения. Чжуан Лин, где тебя черти носят?

Торчать взаперти в четырёх стенах, пускай даже в самой роскошной карете империи, было выше его сил. Хань Хэн потрепал себя по голове. В животе призывно и громко заурчало. Предыдущий обед он сдуру проигнорировал в знак протеста, а до следующего было ещё ох как далеко. Сейчас его желудок буквально прилип к позвоночнику от голода.

«Если этот мерзавец Чжуан Лин не явится в ближайшее время, при встрече я лично набью ему морду», — злобно подумал он.

Хань Хэн оттянул воротник и принялся. М-да, дела плохи. От него уже разило за версту. Четыре дня без нормального мытья — абсолютный антирекорд в его личной гигиенической истории.

<http://bllate.org/book/20487/2251153>